

Время уже позднее, и Шу Шиюнь, подавив смущение, тихо позвал, его голос звучал хрипло и слабо:

— Сичжао.

Дверь с ажурной золотой резьбой тихо отворилась. Две служанки, ожидавшие снаружи, вошли в комнату, неся тазы с водой и полотенца для умывания, и почтительно склонили головы.

Сичжао обогнула ширму с изображением пионов и, взяв приготовленную одежду, принялась помогать ему одеваться.

— Что Чжэнцзюнь желает на завтрак?

— Решай сама, только пусть будет что-нибудь полегче.

После того как он забеременел, аппетит у Шу Шиюня совсем пропал, а болезненное состояние и вовсе лишало желания есть.

— Ван вчера вечером... вернулся?

— Да.

Сичжао подняла на него взгляд, но тут же вновь сосредоточилась на сложной отделке одежды. Однако Шу Шиюнь не упустил мимолетной насмешливой искры в глазах девушки, словно она хотела сказать: разве вы сами не понимаете?

Шу Шиюнь неловко кашлянул. Он просто хотел убедиться, что объятия минувшей ночи не были лишь плодом его воображения.

— А он вернется к завтраку?

— Господин перед уходом приказал передать: после утреннего доклада он отправится в Императорский кабинет обсуждать вопрос о капитуляции Да Суя, так что вам не стоит его ждать.

В глазах Шу Шиюня промелькнуло разочарование, которое он не смог скрыть.

Служанка, державшая поднос с чаем, внезапно встала:

— Рабыня слышала, что господин Чжао Хэн тоже отправился во дворец по приглашению Императрицы. Боюсь, он хочет воспользоваться случаем...

— Замолчи! — холодно оборвала её Сичжао.

Служанка поняла, что сболтнула лишнее, и, опустив голову, боялась даже дышать.

Императрица и Чжао Хэн? Шу Шиюнь сжал кулаки, невольно вцепившись в пуховое одеяло.

— Чжэнцзюнь? — мягко позвала Сичжао.

— А? Ничего, — Шу Шиюнь пришел в себя и горько усмехнулся.

— Мы, слуги, не смеем гадать о мыслях господина, — Сичжао помолчала, принимая выжатое полотенце, чтобы протереть лицо Шу Шиюня. — Но, судя по вчерашнему вечеру, господин дорожит вами.

Иначе зачем ему было посреди ночи покидать праздничный банкет и сквозь снежную бурю мчаться домой, когда можно было спокойно заночевать во дворце и вернуться лишь на рассвете?

— Я не прошу, чтобы он дорожил мной. Мне было бы достаточно, если бы он позволил мне долго и счастливо оставаться рядом, чтобы я мог почаще его видеть. Этого мне хватило бы.

Нынешний Хэ Цинцы уже давно не тот слабый юноша, которого каждый мог растоптать. Сначала он усмирил Южные земли, затем нанес удар по алчному вражескому государству, и теперь он — всемогущий Ван Аньняня, звезда Шэнцзина, перед которым заискивают все знатные фамилии.

Шу Шиюнь знал: ни талантом, ни внешностью он не выделяется, да и старше Хэ Цинцы на несколько лет. Ему не тягаться с молодыми аристократами Шэнцзина. А после того как скончался его единственный защитник, канцлер Шу, у него не осталось никакой опоры.

Без власти, без связей, без особых талантов — как долго он сможет удерживать этот титул Чжэнцзюня?

После завтрака Шу Шиюнь, как обычно, устроился в постели с книгой, но мысли его витали там, где находился тот человек.

— Сичжао, пошли кого-нибудь во дворец узнать, когда Ван... вернется, — он тихо вздохнул, коря себя за то, что не может справиться с тоской. Если бы его немогущее тело позволяло, он бы давно помчался вслед за ним.

— Слушаюсь.

Сичжао, сидевшая на коленях во внешней комнате, поднялась и вышла.

В огромной спальне Шу Шиюнь остался один, и в тишине было слышно даже его дыхание. Погрузившись в тягостные раздумья, он прислонился к подушкам и незаметно для себя провалился в сон.

Неизвестно, какой приятный сон ему привиделся, но, проснувшись, Шу Шиюнь улыбался мягкой улыбкой.

Сознание еще было затуманено сном. Он попытался приподняться, и в его глазах светилась удивительная нежность. Одеяло соскользнуло с плеч, черные, как тушь, волосы рассыпались

по постели, а приоткрытый ворот одежды обнажил белую кожу. Его фигура была тонкой и хрупкой, лишь живот заметно выдавался вперед, делая его вид еще более беззащитным, словно порыв ветра мог окончательно сломить его.

<http://bllate.org/book/19189/1884661>